

ОБ ОДНОМ ПСЕВДОНИМЕ, ПРИПИСЫВАЕМОМ М. НАЛБАНДЯНУ

М. М. КАЗАРЯН

Две черновые статьи — «О журнале, который будто бы хочет издавать Академия» и «Художники и студенты» за подписью «Армянский», хранящиеся в фондах знаменитого русского художника-пейзажиста И. И. Шишкина в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве, — послужили поводом для различных суждений¹. В 5-м номере «Известий» Академии наук Армянской ССР за 1958 г. была помещена статья Ж. Степанян «Статьи Армянского и М. Налбандян», где автор проводит мысль о том, что обе эти статьи принадлежат М. Налбандяну².

Мы не будем подробно останавливаться на том, что пропагандирует «Армянский» в своих статьях, но коснемся их в связи с интересующим нас вопросом: армянин ли «Армянский» и Налбандян ли «Армянский»?

Судя по содержанию его статей, это был человек, хорошо знакомый с жизнью студентов двух крупных очагов русской мысли и культуры — Петербургского университета и Академии художеств. Он знал их быт, интересующие их вопросы, образ мышления и, самое главное, — отношение к социальным порядкам у студентов университета и молодых художников, стоявших на противоположных позициях. «У каждого из них одна цель — прогресс; но каждый из них идет к нему столь различными путями, что кажется, будто они тянут общество в две противоположные стороны», — пишет «Армянский»³. «Армянский» был связан с публицистикой и знал ее роль и значение в общественной жизни. Он был знаком с произведениями знаменитых античных, западноевропейских и русских писателей (Гомер, Софокл, Шекспир, Гете, Лессинг, Гейне, Беранже, Байрон, Шиллер, Пушкин, Некрасов, Фет) и, что очень важно, превосходно разбирался в изобразительном искусстве. Ему известны были произведения Рубенса, Рембрандта, Рейсталя, Калама, Уилки, Тернера, Поттера, Хогарта, Иванова, Брюллова, Федотова. «Армянский» — публицист, со всей страстностью выдвигавший вопросы, связанные с обществом, литературой, публицистикой и изобразительным искусством, — вопросы, которые питали идеологию революционеров-демократов 60-х годов прошлого века.

Упоминая о Фете, автор статей в сноске добавляет: «Некрасова мы⁴ ставим выше Фета как поэта народа, но он поэт эпохи, поэт только нашего времени»; «Армянского» глубоко волнуют насущные вопросы, связанные с художественным развитием русской действительности. «Мы бедны иллюстрациями», — пишет он. Поднимая вопрос

¹ Об этом см. «Шишкин И. И., К 50-летию со дня смерти. 1898—1948». М.—Л., 1948, стр. 20—21.

«Мастера русского реалистического пейзажа», вып. I, Ф. С. Мальцева, Сложение пейзажной живописи во второй половине XIX века, стр. 26—27, а также И. Пикuleв, И. И. Шишкин, М., 1955.

² Ж. Степанян. Статьи Армянского и М. Налбандян, «Известия» Академии наук Армянской ССР, 1958, № 5.

³ Армянский, Художники и студенты и О журнале, который будто бы хочет издавать Академия, Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 57, 4 лл.

⁴ Здесь и в остальных случаях подчеркнуто нами

о вкусе и художественном оформлении произведений прикладного искусства, он в то же время добавляет: «Может быть, впоследствии мы сделаем эстетическое воспитание гражданским установлением, может быть, музыка, живопись и умение писать будет необходимо для каждого гражданина. Может быть, в эстетическом воспитании мы обгоним германцев». Обращаясь к вопросу о конкурсе на памятник Тысячелетию России, «Армянский» пишет: «Студент желает, чтоб в памятнике Тысячелетию России не было бы оскорблено чувство России; художник желает, чтобы не было оскорблено искусство». Далее он находит, что для каждого художника необходимо «войти в эту жизнь, сжиться с русскими вопросами, заинтересоваться судьбой нашего общества».

Все вышеизложенное говорит о том, что «Армянский» — русский публицист, передовой гражданин своей эпохи, которого волновали вопросы, интересующие русское общество. Более того, «Армянский» не только русский человек, но многими нитями своей жизни и деятельности связан с русским художественным миром. «Армянский» понимает и пропагандирует ведущую роль художника в общественной жизни, разъясняет цель изобразительного искусства. Он прекрасно разбирается в насыщенных внутренним драматизмом полотнах Брюллова и бытовых драмах Федотова. Он смотрит в будущее и волнуется вопросом эстетического воспитания русского общества. Все эти факты приводят к одному заключению: «Армянский» — публицист, вооруженный передовыми взглядами своего времени, всем своим существом русский человек, хорошо знакомый с наукой, литературой и живописью в мировом масштабе.

Вывод из вышеизложенного один: «Армянский» не армянин. Такая постановка вопроса исключает сближение имен «Армянского» и Налбандяна, но факты еще ярче доказывают это. Источником для отождествления автора упомянутых статей с Налбандяном в первую очередь послужила подпись «Армянский». Об этом так и пишет Ж. Степанян: «Если факт нахождения этих статей в архиве Шишкина может послужить поводом для причисления русского художника, далеко не радикального по своим воззрениям, к революционно-демократическим взглядам Армянского, то отчего же этот псевдоним, сам по себе выдающий армянина, не может послужить поводом для утверждения о близких связях одного из армянских деятелей с Армянским?». В этом именно состоит источник ошибочных выводов Ж. Степаняна. Ведь если псевдоним «Армянский» сам по себе выдает армянина, то что можно сказать о таких случаях, когда под псевдонимом, по содержанию вовсе не русским, выступали русские авторы. Например: Асанов Алексей = Серг. Тим. Аксаков; Бабаджанов Ходжа салих = Вас. Вас. Григорьев; Вали Алла Шах или Кызыл-Оглы Верды = Ив. Андр. Вашков; Кавказец = Ив. Ив. Суздальцев; Майшвили Г. = Георг Феликс. Зданович и многие другие¹. Отсюда и вытекают все неточности, связанные с именем Налбандяна. Если предположить, что «Армянский» мог быть армянином, то неизбежно возникает вопрос: кто же он? И вот автор статьи Ж. Степанян отвечает: «В Академии художеств, как известно, обучались армянские художники Степанос Нерсисян и Катанян. Однако они оба не отличались революционными взглядами и в 1860 г. не были связаны со студенческими кругами Петербурга². Следует отметить, что Ж. Степанян также чувствует связи «Армянского» с художественным миром Петербурга 60-х годов прошлого века и поэтому не ищет автора вне Академии художеств и не говорит о других армянах, которые в те годы жили в Петербурге (Р. Патканян, Г. Агаян и др.), а упоминает только о художниках Ст. Нерсисяне и Ованесе Катаняне. Однако в 40—60-х годах в Академии художеств учились не только Ст. Нерсисян и Ов. Катанян, но и Агафон Овнаганян, Моисей Меликов, Максудян, Ов. Патканян, Афандян. Кстати, отметим, что Степанос Нерсисян (1815—1884) окончил Художественную академию в 1840 г.; в конце 1846 г. он уже жил в Тифлисе, а в 60-х го-

¹ И. Ф. Масанов, Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. I, М., 1956.

² Датировка 1860 г. документов впервые установлена И. Пикулевым и опубликована в его монографии «И. И. Шишкин», 1955, изд. «Искусство», М.

дах преподавал рисование в городе Шуше. Ованес Катанян (1832—1894), получив звание «классного художника» в той же Академии, в 1855 г. возвратился в Тифлис, преподавал рисование, а также занимал пост инспектора в Нерсисяновской семинарии; в связи с бунтом студентов этой семинарии в 1859 г. он был сослан в Ставрополь.

В письмах и статьях армянских деятелей середины XIX века вопросы изобразительного искусства в основном отразились в виде впечатлений о европейских музеях и памятниках культуры¹. Такие же скупые упоминания о произведениях искусства содержатся в письмах, в публицистических и литературных произведениях Микаела Налбандяна. Его отзывы о скульптурах Микеланджело, о статуе Венеры, о Рафаэле, Бенвенуто Челлини, о произведениях искусств в Версале очень скудны, его суждения не выходят за рамки путешественника, стоящего вне области изобразительного искусства. Конечно, это никак не умаляет роли и значения Микаела Налбандяна как писателя и публициста, бурная деятельность которого прошла мимо изобразительного искусства.

Общезвестно, что с конца октября 1859 г. по 15 июня 1860 г. М. Налбандян находился в Петербурге. В течение этого времени он был загружен делами по изданию «Юсисапайла», писал главы из «Ишатакарана» и одновременно сдавал экзамены в Петербургском университете, где впоследствии получил кандидатскую степень. За эти неполные 8 месяцев и при такой кипучей деятельности он не мог заниматься вопросами, которые его не интересовали ни до этого, ни после возвращения из Петербурга в Москву. Кроме того, из статей «Армянского» вытекает одно важное обстоятельство. Автор постоянно находился в кругу событий, связанных с художественным миром, он давно следил за студентами и художниками Петербурга, присутствовал на похоронах великого русского художника Александра Иванова, о чем он пишет: «Похороны Иванова были собственно академическим событием; но в манифестации по поводу их участвовали и студенты; в свою очередь на проводинах цензора фон Крузе участвовали художники. От этого соединения следует ожидать полезных результатов как для той, так и для другой стороны; потому что при этом должно произойти обоюдное воздействие противоположных элементов, заключающихся в этих учреждениях». Несомненно, что М. Налбандян не мог прийти к такому выводу; более того, он и не присутствовал на похоронах А. Иванова, которые состоялись 6 июля 1858 г.², так как в

¹ В этом отношении, может быть, составляет исключение Мкртич Эмин, который в письмах, адресованных будущей жене, художнице Александре Александровне Шульгин-Эмин, делится своими впечатлениями о художественной выставке 1844 г. в стенах Академии художеств и очень тепло отзывается о произведениях Брюллова, о картине Тырнова, об Исаакиевском соборе и барельефах Витали. С художественным миром Петербурга 60-х годов был связан писатель Рафаел Патканян, брат которого—Ованес Патканян—учился в Академии художеств. Знаменитое стихотворение Р. Патканяна «Художник» посвящено Ованесу Патканяну, а повесть «Я была обручена» имеет автобиографический характер. В этой повести Р. Патканян пишет, что он жил в одной комнате с учеником Петербургской Академии художеств у Смоленского кладбища. Р. Патканян в эти годы учился в Петербургском университете и, наверно, вместе с братом жил в помещениях Академии художеств, которые находились у Смоленского кладбища.

² О статьях, связанных с миром изобразительного искусства, выступал на страницах «Юсисапайла» Степанос Назарян, который любил искусство рисования; в молодости, еще в Тифлисе, он делал копии с картин европейских художников.

³ По этому поводу в «Современнике» читаем: «Прозожили профессора Академии художеств молодые художники, некоторые из известных наших литераторов и многочисленные молодые и жаркие поклонники его таланта», 1858, т. 70. Известно, что в этот период М. Налбандян жил в Москве и в начале июля находился на одной из подмосковных дач (А. М. Инджикян, «Летопись жизни и деятельности Микаела Налбандяна», на арм. яз., Ереван, 1954, стр. 89).

это время безотлучно жил в Москве и занимался бурной литературной деятельностью. Даже «Юсисапайл» не отозвался на такое крупное событие в мире изобразительного искусства, как смерть А. Иванова.

В своей статье Ж. Степанян цитирует отрывок из статьи «Армянского» «О журнале, который будто бы хочет издавать Академия». «Армянский» пишет о том, что журнал «должен познакомить публику с архитектурой у китайцев, мексиканцев, египтян, индейцев; он должен представить жилища и утварь у разных необразованных народов и надгробные памятники, например монументальную архитектуру Киргизов и Арабов; познакомить с народными эпопеями, грузинской «Барсовой кожей», финской «Калевалой», с североамериканскими мифами, с среднеазиатскими сказками, с различными космогониями у первобытных народов; с индийскими поэтическими произведениями, с литературой классической и новой, с историей развития естеств. наук, с философскими школами в древнем и современном мире». Удивительно, что «армянин» «Армянский», в данном случае М. Налбандян, отмечая все ценное и достойное изучения у других народов, не находит ничего у армян. Приводя эту цитату, Ж. Степанян в сноске отмечает, что это «вещи и явления, о которых мало кто знал тогда в России (произведения Руставели и «Калевала» были переведены на русский язык только в 80-х годах)». Возникает косвенный вопрос к автору: а откуда же тогда мог знать их Налбандян? Между тем еще в июльском номере «Журнала министерства народного просвещения» за 1842 год, на страницах 112—126, напечатана была статья Д. Чубинова «О грузинской поэме Вепхис-Ткаосани или Барсова кожа», где автор, совершив маленькую научную экскурсию в историю Грузии XII века, одновременно сообщает краткие биографические данные о Руставели и, основательно разбирая его бессмертную поэму, оценивает ее как высокое поэтическое произведение. Об этом читаем и в статье «Издания в России», где, говоря об изданной Броссе книге «Географическое описание Грузии Царевича Вахушта», автор статьи отмечает, что книга Вахушта равноценна истории Вахтанга и Барсовой кожи¹. Что касается «Калевалы», то небольшие отрывки из этой замечательной финской эпопеи были опубликованы еще в 1840 г. в «Современнике» (по финскому изданию 1835 г. Ленрота Элиаса). А кто не читал «Современника» в России?!

«Армянский» не армянин и тем более не Налбандян. «Армянский» — случайный псевдоним. Об этом говорит то обстоятельство, что в конце статьи «Художники и студенты» неизвестный нам автор сначала подписался «Армянский», потом написал что-то неразборчивое, затем «Гюльдебров», что также не пришлось по вкусу, и по неизвестным соображениям восстановил прежний псевдоним. Что касается того, что существует общность эстетических идей Налбандяна с идеями «Армянского», о чем говорит в начале своей статьи Ж. Степанян, то это также не выдерживает критики.

«Бывают поэты, отзывающиеся только на явления частной жизни, поэты семейства, как Фет; есть поэты народа, как Пушкин; есть поэты целого человечества, и притом такие, которым мало современного человечества, а которые обхватывают своим гением жизнь человечества в бесконечное число веков, как Софокл, Гомер, Шекспир», — пишет «Армянский». И вот Ж. Степанян считает, что «такие же мысли мы встречаем у Налбандяна. Считая Гомера и Шекспира, наряду с Мильтоном и Данте, «величайшими из поэтов, когда-либо родившимися под луной», он совершенство их поэтического творчества связывал со степенью глубины художественного воплощения общечеловеческого содержания, ибо «обиталищем совершенства является душа всего человечества». Но совсем в разных контекстах говорят об этом «Армянский» и Налбандян, а такое мировоззрение общественной обусловленности художественного творчества присуще всем передовым деятелям прошлого века. Что касается таких фактов, как то, что «Налбандян не только учился, но и жил на Васильевском острове, где

¹ Небезынтересно то, что второе издание «Барсовой кожи» увидело свет в 1841 г. в Петербурге.

происходили все события, о чем говорит в своих статьях «Армянский», то это ничего не говорящие мелочи.

Автор публикации «Статьи Армянского и Налбандян» чувствовал, конечно, шаткость своей концепции, и только этим можно объяснить те строки, которые приводятся в конце статьи, но которые никак не совместимы с утвердительным тоном статьи в целом: «Дальнейшее исследование рукописей Армянского безусловно поможет установить личность их автора»; «Все эти данные дают некоторые основания для предположения о принадлежности этих статей М. Налбандяну, но окончательное уточнение требует дальнейших изысканий фактов». Факты говорят о том, что М. Налбандяну приписываются статьи, принадлежавшие русскому автору.

Մ. ՆԱԼԲԱՆԴՅԱՆԻ ՎԵՐԱԳՐՎՈՂ ՄԻ ԿԵՂԾԱՆՎԱՆ ՄԱՍԻՆ

Մ. Մ. ՂԱԶԱՐՅԱՆ

(Ա Մ Փ Ո Փ Ն Ա Մ)

Մասնավոր Գրականության և արվեստների Պետական կենտրոնական արխիվում, որում նշանավոր նկարիչ Ի. Ի. Շիշկինի ֆոնդում պահպանվում են երկու սևագրեր հոդվածներ՝ «Художники и студенты», «О журнале, который будто бы хочет издавать Академия», որոնք ստորագրված են «Армянский» ծածկանունով:

Հայկ. ՍՍԽ Գիտությունների ակադեմիայի «Տեղեկագրի» 1958 թ. 5-րդ համարում ղեկավարված է Ժ. Ստեփանյանի «Статьи Армянского и М. Налбандян» վերնագիրը կրող հոդվածը, որտեղ հեղինակը փորձում է համոզել, որ վերոնշյալ հոդվածները պատկանում են Միքայել Նալբանդյանին:

«Արմյանսկու» հոդվածներում հանդիպող հասարակական հետաքրքրություններ կայացնող փաստերից և նրա առաջադրած հարցադրումներից ելնելով պարզ է դառնում. 1. հոդվածների հեղինակը աղդույթյալը որում է և 2. ստեղծողը ղուրս է. որ «Արմյանսկին» Միքայել Նալբանդյանը է: